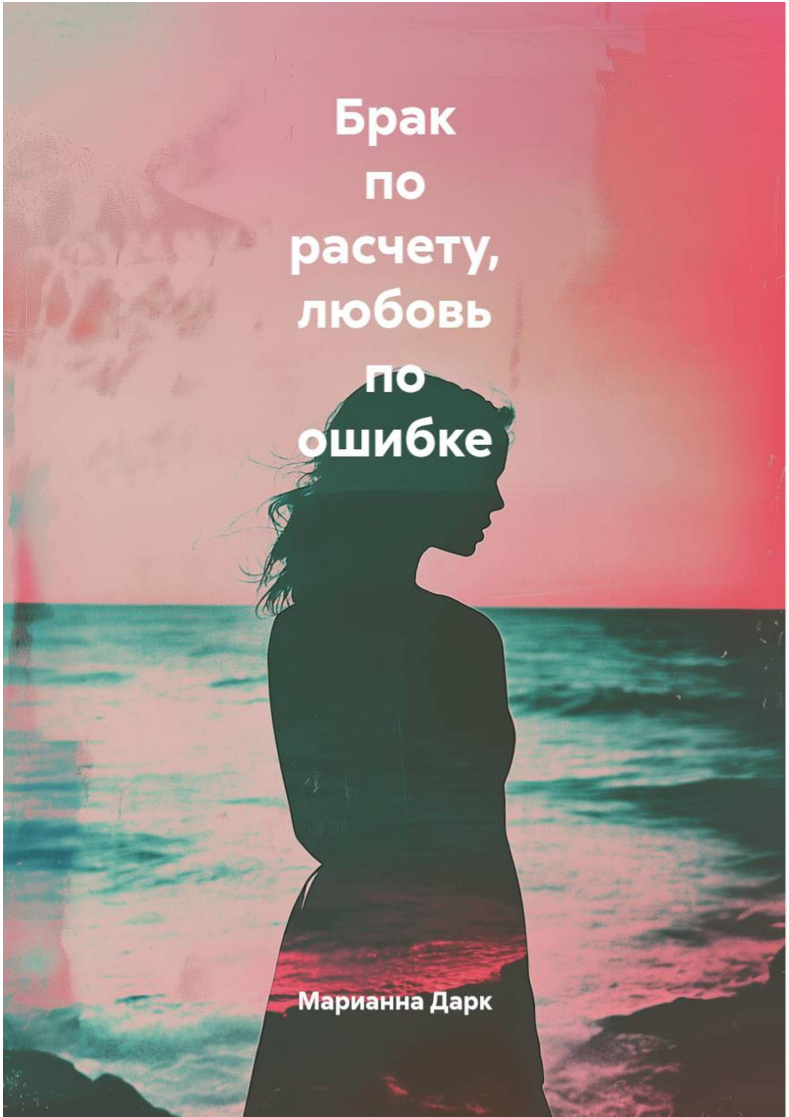

Брак
по
расчету,
любовь
по
ошибке
Марианна Дарк

Марианна Дарк

Брак по расчету, любовь по ошибке

https://litres.ru/74299548
SelfPub; 2026

Аннотация

Отец решил, что лучший способ укрепить бизнес — продать мою свободу как выгодную сделку. Мне только исполнилось 19, я ещё толком не знаю, что такое влюблённость, а теперь должна стать женой тридцатилетнего мужчины, для которого брак — просто пункт в стратегическом плане.

Я посмотрела на него и твёрдо сказала: «Ты пожалеешь, что согласился на этот брак. Я никогда не стану тебе такой женой, какой ты хочешь». Он лишь слегка улыбнулся, будто услышал чтото забавное, и спокойно ответил: «Ты сама меня захочешь — раньше, чем успеешь это осознать».Я строю ледяные стены из сарказма, а он будто и не замечает холода — просто каждый день ставит на тумбочку мой любимый кофе, помогает, когда не прошу, и улыбается в те моменты, когда мне совсем не до улыбок.

А самое смешное (и немного страшное) — я всё чаще ловлю себя на том, что жду этой его улыбки. И уже не так уверена, кто тут кого переиграет.

Лёгкая, ироничная история о том, как холодный расчёт сталкивается с настоящими чувствами.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	18
Глава 5	23
Глава 6	28
Глава 7	33
Глава 8	37
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Марианна Дарк
Брак по расчету, любовь по ошибке

Глава 1

Я стояла посреди гостиной и чувствовала, как пол потихоньку уходит изпод ног. Не от волнения, не от восторга — от абсолютного, оглушительного непонимания. Перед нами, будто на показе достижений, лежали папки с документами, а рядом — коробка с кольцом, которую отец даже не потрудился спрятать. На бархате поблёскивал огромный бриллиант, такой тяжёлый на вид, что казалось, он сам по себе тянет вниз всю эту нелепую затею.

— Ну, вот и всё, — бодро подытожил отец, поправляя манжету. — Осталось только поставить подписи. И, конечно, примерить кольцо.

Я скосила глаза на коробку, потом на него, потом на мужчину, который сидел в кресле с видом человека, которому приходится терпеть чтото неизбежное, но не слишком приятное. Ему было лет тридцать. Спокойный, собранный, в идеально сидящем костюме. Он не смотрел на меня с вожделением, не сверлил взглядом, не пытался казаться ми-

лым. Он вообще никак не смотрел — просто ждал, когда этот цирк закончится. Это почемуто злило сильнее всего. — Ты серьёзно? — голос прозвучал тоньше, чем хотелось бы, но я тут же подпустила в него стали. — Ты просто взял и… продал меня?

Отец поморщился:— Не драматизируй, Лера. Это не продажа. Это стратегическое партнёрство. Мы объединяем активы, усиливаем позиции. А ты… ты получаешь стабильность. И мужа, который о тебе позаботится.— А меня спросить не надо? Мне девятнадцать! Я даже не знаю, как выглядит настоящая влюблённость, а ты уже расписал моё будущее по пунктам!Тут мужчина в кресле наконец поднял взгляд. Спокойно, без суеты. И сказал ровно, будто мы обсуждали прогноз погоды:

— Влюблённость переоценена. Брак — это ответственность. И если ты научишься отделять эмоции от обязательств, нам будет проще.Я уставилась на него. Серьёзно? Это его аргумент?— О, прекрасно! Значит, ты будешь моим… ответственным мужем? А я буду твоей… ответственной женой? Звучит как договор аренды, а не как жизнь!Он чуть приподнял бровь — единственная эмоция, которую он себе позволил.— Если тебе так проще воспринимать, пусть будет так.

Меня накрыло волной возмущения, смешанного с каким-то отчаянным, почти детским желанием сделать хоть что-то, чтобы вернуть контроль. И я выпалила, глядя ему

прямо в глаза: — Знаешь, я обещаю тебе одну вещь. Ты пожалеешь, что согласился на этот брак. Я никогда не стану тебе такой женой, какой ты хочешь. Ни послушной, ни удобной, ни той, кто будет сидеть и улыбаться, пока ты решаешь судьбы мира за чашкой кофе. Он помолчал секунду. Потом уголки его губ дрогнули — не то в улыбке, не то в усмешке.

— Ты говоришь это сейчас, потому что тебе страшно. И потому что ты злишься. Но есть одна деталь, которую ты упускаешь.— Какая?— Я не жду, что ты будешь удобной. И я не строю иллюзий насчёт «улыбок за кофе». Но я знаю одно: ты сама меня захочешь. Раньше, чем успеешь это осознать.Я фыркнула, чтобы скрыть, как сильно эти слова меня задели.— Мечтать не вредно.

Отец уже тянулся к ручкам, явно собираясь закрыть вопрос прямо сейчас. — Так, давайте без драм. Лера, надень кольцо. Кирилл, подпишите вот здесь… Я отступила на шаг, прижимая ладони к бокам, чтобы не тряслись. — Нет. Оба мужчины посмотрели на меня так, будто я сказала что-то на мёртвом языке. — Что значит «нет»? — голос отца стал жёстким. — Это значит «нет». Я не буду надевать это кольцо. Не буду подписывать бумаги. И не стану частью твоей «стратегии».

Кирилл — так, значит, его зовут Кирилл — встал, неторопливо, без спешки. Подошёл к коробке, взял её, закрыл и поставил на стол.— Тогда не будем торопиться, — спокойно сказал он. — У нас есть время.Отец открыл рот, чтобы воз-

разить, но Кирилл мягко, но твёрдо его перебил:— Мы подпишем, когда она будет готова. Или не подпишем. В любом случае, я не женюсь на девушке, которая смотрит на меня как на приговор.

Я моргнула. Это… вообще законно? Чтобы ктото из них встал на мою сторону? Кирилл посмотрел на меня так, будто видел не истерику, а просто очень уставшего человека. — Сейчас ты пойдёшь к себе, соберёшь вещи, которые хочешь взять с собой. Завтра мы едем в мой дом. Там у тебя будет своя комната, свой график, своя жизнь. И каждый день я буду доказывать, что этот брак — не тюрьма. — Зачем тебе это? — прошептала я, уже не пытаясь казаться дерзкой. Теперь это был просто вопрос, вырвавшийся сам собой.

— Потому что я дал слово твоему отцу. И потому что мне интересно, сколько дней ты сможешь держаться на одних «никогда».Я сжала кулаки.— Много. Очень много.Он кивнул, будто принимая вызов.— Хорошо. Будем считать это началом.

Глава 2

Лера сидела на заднем сиденье машины, будто её туда не посадили, а аккуратно пристроили, как хрупкую вазу, которую страшно тряхнуть. И при этом она изо всех сил делала вид, что ей всё равно.— Ну вот, едем в новую жизнь, — пробормотала она себе под нос, но достаточно громко, чтобы Кирилл, сидевший впереди рядом с водителем, точно услышал. — Прямо как в рекламе: «Купи дом — получи невесту в подарок». Только я, кажется, бракованная.Кирилл чуть повернул голову, не отрывая взгляда от дороги за окном (хотя сидел-то он не за рулём).

— Ты не бракованная. Ты просто… несогласованная.Лера фыркнула.— Несогласованная? Это теперь так называется? А я думала, у нас демократия. Или хотя бы право голоса.— Право голоса у тебя есть. Ты им уже воспользовалась. Дважды. Сначала сказала «нет», потом собрала ровно три вещи: телефон, наушники и любимую кружку с котиком.Лера машинально прижала к себе пакет, где эта кружка тихо позвякивала.— Это не три вещи. Это базовый набор для выживания в чужом доме. Вдруг у тебя там чай не тот.

— Чай у меня тот. И кофе тот. И даже сахар в нужной пропорции.— О, ну конечно. У тебя же всё по плану. Даже сахар.Он чуть улыбнулся, и эта улыбка почему-то раздражала её ещё сильнее, чем его спокойствие.— Да. По плану. И

ты в нём тоже есть. Не как пункт, а как… переменная.— Переменная? Звучит так, будто я ошибка в расчётах.— Скорее, неожиданное уравнение. С которым интересно разбираться.

Лера закатила глаза, но тут же поймала себя на том, что улыбается против воли. И тут же согнала улыбку с лица.— Не пытайся быть милым. Это подозрительно.— Я не пытаюсь. Я просто констатирую факты.Водитель, видимо, решив, что лучше вообще не вмешиваться, прибавил радио. Заиграл какой-то бодрый попсовый трек. Лера невольно начала отбивать ритм по колену, потом спохватилась и перестала.— Так и будешь сидеть, как на допросе? — тихо спросил Кирилл.

— А что, есть вариант «как на свидании»? Потому что я точно не на свидании.— Точно. Это переезд.— Ага. С принудительным подселением.Он снова чуть наклонился вперёд, и Лера вдруг замерла, потому что на секунду показалось, что он сейчас… ну, сделает что-то. Потянется к ней. Может, чтобы взять за руку. Или… поцеловать? Сердце подпрыгнуло куда-то к горлу, а потом рухнуло обратно, когда Кирилл просто потянулся к панели и убавил радио.— Мешает думать, — спокойно сказал он.Лера выдохнула так шумно, что, наверное, даже водитель услышал.— Что?

— Ничего. Просто… думала, ты сейчас что-то сделаешь.— Например?Она покраснела и уставилась в окно.— Ну, не знаю. Типа… проявишь инициативу.— В каком смысле?— В любом! В смысле «я тут главный, я всё решу».Кирилл помолчал, потом тихо, почти себе под нос, произнёс:—

Знаешь, если я начну решать за тебя, ты меня через пять минут возненавидишь. А мне бы хотелось, чтобы ты хотя бы не кидала в меня кружками.

Лера невольно хихикнула.— С котиком? Никогда. Она слишком хорошая.— Вот и договорились. Котик вне зоны конфликта.Машина свернула с широкой улицы на тихую аллею, обсаженную старыми клёнами. Дома здесь стояли чуть дальше друг от друга, будто специально, чтобы не подслушивать соседей.— Приехали, — сказал водитель.Кирилл первым вышел, обошёл машину и открыл дверь для Леры. Она замерла на секунду, потом решительно выбралась, прижимая к себе пакет.

— И вот он, мой новый дом, — пробормотала она, оглядывая аккуратный фасад, широкие окна и клумбы с цветами, которые выглядели так, будто их стригли по линейке. — Очень… правильный. Прямо как ты.Кирилл усмехнулся.— Дом не виноват, что у него хороший ландшафтный дизайнер.— Зато он точно знает, где у него что растёт. В отличие от меня.Он шагнул ближе — совсем чуть-чуть, но Лера снова напряглась, будто ждала какого-то подвоха.

— Слушай, — тихо сказал он, — я не собираюсь тебя никуда тащить. Если хочешь, можешь прямо сейчас развернуться и уехать. Я не буду держать.Лера подняла на него глаза. И вдруг поняла, что впервые за весь вечер в его взгляде нет ни давления, ни расчёта. Просто… предложение выбора.— А если я останусь?— Тогда мы начнём с кофе. И с то-

го, что ты скажешь, чего хочешь. Хоть сегодня. Хоть завтра. Хоть через месяц.Она сжала пальцы на ручке пакета. Кружка внутри снова тихо звякнула.— Ладно. Но если окажется, что твой кофе невкусный, я ухожу.— Принято. Это будет красная линия.И, к её удивлению, Лера снова улыбнулась. На этот раз не пытаясь это скрыть.

Глава 3

Кирилл распахнул дверь, и Лера застыла на пороге, будто боялась, что дом её проглотит.— Ну, заходи, — он чуть подтолкнул воздух ладонью, как будто приглашал не в особняк, а в обычную квартиру. — Не кусается. По крайней мере, я надеюсь.Лера переступила порог, сжимая пакет с кружкой так, будто это был спасательный круг.

А вдруг тут есть секретная комната, где прячут невест до свадьбы?Кирилл хмыкнул:— Секретных комнат нет. Только кладовка, где я храню коробки из-под техники и чувство вины за то, что их не разобрал.Она чуть расслабилась и даже позволила себе оглядеться: высокие потолки, светлые стены, минималистичная мебель, которая выглядела так, будто её подбирали по принципу «ничего лишнего, чтобы не отвлекало от работы».— Всё такое… стерильное, — пробормотала Лера.— Это не стерильность. Это порядок.

— Порядок, который кричит: «Здесь живёт человек, у которого всё под контролем».— Иногда мне кажется, что если я оставлю на столе хоть одну лишнюю вещь, вся вселенная решит, что можно развалиться на части.Лера хихикнула, но тут же сделала вид, что это был просто кашель.— Ладно, давай экскурсию. Только без пафоса в духе «здесь мы принимаем важных гостей».Кирилл театрально приложил руку к сердцу:— Клянусь, никакого пафоса. Только факты.

Он повёл её по коридору, указывая на двери:— Кухня — туда мы обязательно зайдём. Гостиная — для официальных разговоров и просмотра футбола. Кабинет — туда лучше не заходить, если не хочешь услышать, как я бормочу в телефон.— А спальня?Он замер на секунду, потом спокойно ответил:— Твоя — на втором этаже, в конце коридора. Моя — в другом крыле. Так что не переживай: я не собираюсь внезапно появляться у тебя в дверях с вопросом «ты спишь?».

Лера почувствовала, как щёки предательски теплеют.— Я и не переживала! Просто… уточняю логистику.— Логистика важна. Особенно когда речь о личном пространстве.Они поднялись по лестнице, и Лера невольно замедлила шаг: дом казался слишком большим для неё одной.— И вот твоя комната, — Кирилл распахнул дверь.Внутри было светло, уютно и… не похоже на остальной дом. Тёплые оттенки, мягкое кресло, книжная полка, даже плед на кровати лежал так, будто его специально подобрали, чтобы хотелось завернуться.

Лера застыла.— Ты… это всё специально?Кирилл пожал плечами, но в глазах мелькнуло что-то похожее на удовлетворение:— Я попросил дизайнера сделать так, чтобы здесь хотелось остаться. Не чтобы удержать, а чтобы не хотелось сбежать сразу.Лера не знала, что сказать. Вместо этого она поставила пакет на кровать и вытащила кружку с котиком.— Котик одобряет, — тихо сказала она.Кирилл улыбнулся:— Значит, комната прошла проверку.

Они спустились на кухню, и Кирилл тут же направился к

кофемашине, будто это был его родной алтарь.— Кофе?— Только если ты не добавляешь в него соль вместо сахара.— Обижаешь. Я уважаю вкусовые рецепторы.Пока машина гудела и шипела, Лера бродила по кухне, трогая гладкие поверхности, будто проверяя, настоящие ли они.— Знаешь, тут всё такое… взрослое.— В смысле?

— Ну, как будто здесь живут люди, которые знают, какой стороной держать штопор. А я обычно просто стучу по бутылке, пока пробка не сдастся.Кирилл рассмеялся — впервые по-настоящему, не сдержанно, а так, что Лера даже замерла, прислушиваясь к этому звуку.— Штопор — это навык, который приходит с опытом. Как и умение не паниковать, когда кофе не получается с первого раза.Кофе наконец был готов, и Кирилл протянул ей чашку. Их пальцы на секунду соприкоснулись, и Лера так резко отдёрнула руку, что чуть не опрокинула чашку.

— Ой! Прости, я…— Ничего, — спокойно сказал он, хотя в глазах плясали смешинки. — Рефлекс самосохранения?— Нет! Просто… я не люблю неожиданности.«И ещё я боюсь, что если ты сейчас сделаешь хоть одно движение ближе, я либо убегу, либо… не убегу. И это пугает ещё больше», — пронеслось у неё в голове.Они сели за стол, и на секунду повисла тишина — не напряжённая, а скорее та, когда оба пытаются понять, как теперь разговаривать, когда уже не нужно спорить.

— Так, — Лера постучала пальцем по кружке, будто со-

бираясь с мыслями. — Если мы теперь типа… живём вместе, надо установить правила.Кирилл приподнял бровь:— Правила? Люблю правила. Особенно когда они разумные.— Первое: никаких внезапных появлений в моей комнате.— Принято.— Второе: если я говорю «я не хочу об этом говорить», ты не пытаешься меня разговорить.— Тоже принято. Но я оставляю за собой право предложить кофе в таких случаях.

Лера закатила глаза, но не смогла сдержать улыбку:— Третье: не смотри на меня так, будто ты всё про меня знаешь.— Как «так»?— Вот так. С этой твоей… спокойной уверенностью. Будто ты уже просчитал все мои реакции.Кирилл чуть наклонился вперёд — совсем немного, но Лера тут же напряглась, мысленно прокручивая варианты: «он сейчас скажет что-то важное», «он сейчас попытается меня убедить», «он сейчас поцелует меня». Сердце застучало быстрее.

Но он просто тихо произнёс:— Я не знаю про тебя почти ничего. Кроме того, что ты хранишь верность кружке с котиком и не любишь, когда всё решают за тебя. И этого пока достаточно.Лера выдохнула, сама не понимая, от облегчения или от разочарования.— Ладно. Это… честно.Он откинулся на спинку стула, снова становясь тем собранным, невозмутимым Кириллом, которого она увидела в гостиной у отца.— А теперь расскажи мне что-нибудь. Что угодно. Хоть про любимую песню, хоть про то, почему ты не любишь брокколи.

— Брокколи — это отдельный вид предательства. Они

притворяются полезными, а на самом деле просто хотят испортить пюре.Кирилл расхохотался, и этот смех каким-то образом сделал кухню чуть меньше, чуть уютнее, чуть… не такой чужой.— Запомню. Брокколи — под запретом.Лера покрутила кружку в руках, посмотрела на котика, потом на Кирилла — и вдруг поняла, что впервые за весь этот безумный день ей не хочется кричать «нет». Ей просто хотелось посидеть тут, выпить кофе и послушать, как этот спокойный, слишком взрослый мужчина смеётся над её глупостями.

И от этой мысли стало одновременно спокойно и страшно.

Глава 4

Утро началось с того, что Лера обнаружила на своей прикроватной тумбочке идеально сложенное полотенце, стакан воды и… брошюру «Основы тайминменеджмента для начинающих». — Это что, намёк? — буркнула она, поднимая брошюру двумя пальцами, будто та могла укусить. Кирилл, стоявший в дверях с чашкой кофе, даже не поморщился — только чуть приподнял бровь. — Это забота. Ты вчера говорила, что не любишь опаздывать, а утро у тебя, судя по всему, начинается с поиска смысла жизни под подушкой. Лера прищурилась.

— А ты, значит, решил, что смысл жизни — в тайминменеджменте? — Я решил, что если ты будешь знать, где лежат твои вещи, у нас обоих будет на десять минут меньше паники по утрам. — У меня нет паники. У меня… творческий беспорядок. — Творческий беспорядок — это когда ты можешь найти нужную вещь с третьей попытки. А когда ты ищешь носки полчаса — это уже экзистенциальный кризис. Лера фыркнула, но носки всётаки нашла — под пледом.

— Ладно, допустим. Но если ты ещё раз положишь мне на тумбочку чтото «полезное», я спрячу твою любимую ручку. — Ту, которая пишет только под углом сорок пять градусов? — Именно. — Тогда мы оба проиграем. Я без неё не могу подписывать документы, а ты без неё будешь искать смысл

жизни ещё дольше. Лера не удержалась и хихикнула, но тут же сделала вид, что это был просто кашель. — Не пытайся быть милым. Это сбивает с толку.

— Я не пытаюсь быть милым. Я пытаюсь выжить в одном доме с человеком, который прячет телефон в морозилке, «чтобы не отвлекаться».— Это был один раз! И он действительно не звонил.— Да. Потому что замёрз.Они спустились на кухню, и Лера тут же направилась к кофемашине.— Так, я сама. Ты уже один раз сделал «идеальный кофе», а я пила его и думала, что меня пытаются завербовать в спецназ.Кирилл спокойно отодвинулся, подняв руки:

— Окей, кофе — твоя зона ответственности. Я отвечаю за то, чтобы не уронить тостер.Пока Лера колдовала над машиной, Кирилл сел за стол и открыл ноутбук. Лера скосила на него взгляд.— И что, ты вот так просто будешь работать, пока я тут пытаюсь не разлить кофе на пол?— А что, мне надо аплодировать каждому твоему движению?— Хотя бы не смотреть так, будто ты оцениваешь мою эффективность.— Я не оцениваю. Я… наблюдаю.

— «Наблюдаю»? Звучит как чтото из шпионского фильма. «Объект номер один наливает кофе. Вероятность пролива — шестьдесят процентов». Кирилл хмыкнул: — Пятьдесят. Ты сегодня собраннее. Лера демонстративно покачала чашку, чтобы кофе чуть плеснулся на край. — Сорок. Не расслабляйся. Он рассмеялся, и Лера, сама не понимая почему, почувствовала, как внутри чтото чутьчуть расслабилось.

Но тут же напомнила себе: она ведь собирается делать его жизнь невыносимой. Надо соответствовать плану.

После завтрака Лера решительно заявила:— Сегодня я меняю правила.Кирилл оторвался от экрана.— Опять правила? Мы же только вчера их утвердили.— Правила должны эволюционировать. Как и я.— Звучит опасно.— Первое: никакой музыки до десяти утра.— Принято.— Второе: если я говорю «я просто смотрю в стену», ты не спрашиваешь «о чём ты думаешь».Кирилл задумался.— А если я переживаю?

— Тогда переживай молча.— Третье: я выбираю, что мы смотрим вечером.Кирилл замер.— Даже если это сериал про подростков, которые каждые пять минут кричат друг на друга?— Особенно если это сериал про подростков, которые кричат друг на друга.— Ты пытаешься меня сломать через контент?— Я пытаюсь показать тебе другую сторону жизни. Где не все носят костюмы и говорят «мы оптимизируем процессы».Кирилл медленно закрыл ноутбук.

— Знаешь, я начинаю подозревать, что ты делаешь мою жизнь невыносимой специально.Лера гордо подняла подбородок.— Я делаю её… разнообразнее.— Разнообразие — это хорошо. Но когда ты прячешь мои запасные ключи «для тренировки внимательности», это уже не разнообразие. Это саботаж.— Я их не прятала. Они… потерялись.— В холодильнике?Лера покраснела.— Там было холодно, а они выглядели грустными.

Кирилл прикрыл лицо ладонью, но в глазах плясали смешинки. — Лера, ты невозможная. — Спасибо. Стараюсь. День шёл, и Лера действительно старалась: она включала утром бодрую поп-музыку ровно в 09:59, чтобы «технически не нарушить правило», оставляла на его столе записки с загадочными фразами вроде «Не доверяй авокадо — они всё помнят», и каждый раз, когда Кирилл пытался быть серьёзным, смотрела на него так, будто он рассказывал анекдот,но забыл его.

А Кирилл… Кирилл с пугающим спокойствием всё это принимал. Иногда он отвечал на записки («Авокадо, прости, я не хотел»), иногда просто кивал, когда она в очередной раз заявляла, что «этот дом слишком тихий, ему нужна душа», и однажды, когда Лера в сердцах сказала, что он вообще не реагирует на её провокации, он спокойно ответил:— Я реагирую. Просто не так, как ты ожидаешь.Лера замерла.— А как?

Он чуть наклонился вперёд — совсем немного, но у Леры снова ёкнуло сердце, и она тут же подумала: «Сейчас скажет, что всё это его забавляет. Или… поцелует. Или…» Но он просто тихо произнёс: — Мне нравится, что ты не боишься быть странной. Большинство людей стараются казаться удобными. А ты… ты как шторм в маленькой комнате. Шумная, непредсказуемая, но почемуто сразу становится понятно, что тут ктото живёт. Лера застыла, не зная, обидеться, смутиться или… улыбнуться. В итоге получилось

чтото среднее.

— Ну, если это комплимент, то странный. — Зато честный. Она хотела сказать чтото дерзкое, чтото вроде «А я стараюсь, чтобы ты не расслаблялся», но вместо этого вдруг призналась: — Иногда мне кажется, что я делаю всё это, потому что если я перестану спорить, ты поймёшь, что мне тут… не так страшно, как я хочу показать. Кирилл не стал ничего преувеличивать, не стал гладить её по руке или говорить пафосные слова. Он просто кивнул: — Понимаю. Я тоже иногда спорю просто чтобы слышать, что рядом ктото есть.

И в этот момент Лера вдруг поняла, что её план «сделать жизнь Кирилла невыносимой» потихоньку превращается в чтото совсем другое. В то, что ей самой… нравится.

Глава 5

Утро началось с того, что Кирилл открыл дверь в кухню и на секунду замер, будто не узнавал родную территорию. На холодильнике висел лист бумаги с крупной надписью: «Зона повышенной жизнерадостности». А прямо на столе стояла банка с разноцветными скрепками, рядом — маленькая табличка: «Для экстренных случаев».Лера сидела на табурете, скрестив ноги, и выглядела до неприличия довольной собой.— Что это? — спокойно спросил Кирилл, хотя в голосе уже слышалось лёгкое «я знаю, что мне это не понравится».

— Это терапия, — торжественно объявила Лера. — Ты слишком… ровный. Как будто тебя собирали по инструкции «идеальный взрослый». А ровный — это скучно.Кирилл перевёл взгляд с таблички на банку, потом на Леру.— И в чём заключается терапия?— В хаосе. В ярких деталях. В том, чтобы иногда просто брать цветную скрепку и думать: «О, прикольно».— А если я не хочу думать «прикольно»? Если я хочу думать «где мой договор от третьего числа»?— Тогда ты берёшь скрепку и говоришь: «Эта скрепка поможет мне найти договор». Это называется позитивное мышление.

Кирилл медленно выдохнул, но уголки губ всё равно дрогнули. — Ты серьёзно? — Абсолютно. Я составила план твоего «выздоровления». Пункт первый: сегодня ты наденешь не чёрную рубашку, а хотя бы тёмносинюю. Пункт второй: ко-

гда ктото скажет «надо оптимизировать процессы», ты скажешь: «А давайте сначала выпьем кофе и посмотрим на облака». Пункт третий… — Стоп. Третий пункт я даже слушать боюсь. Лера хитро прищурилась.

— Пункт третий: ты поучаствуешь в одном маленьком эксперименте.Кирилл тут же напрягся.— Эксперименте? Звучит как начало фильма, где всё заканчивается разбитой посудой и вызовом клининга.— Ничего не разобьём! Ну… почти. Смотри.Она достала из кармана маленький пакетик и высыпала на стол горку разноцветных драже.— Это «конфеты правды».Кирилл приподнял бровь.— «Конфеты правды»?

— Ну, условно. Правило такое: съедаешь одну конфету — и честно отвечаешь на один вопрос. Без деловых формулировок. Без «с учётом текущей рыночной ситуации». Просто почеловечески. — Лера, мне тридцать лет. Я не играю в «правду или действие». — А я не прошу играть. Я прошу… немного разморозиться. Ты же не робот. Ну хотя бы на пять минут. Он посмотрел на конфеты, потом на неё — и вдруг согласился: — Ладно. Но только пять минут. И никаких вопросов про детство и травмы. — Отлично! Тогда начнём с простого.

Она взяла жёлтую конфету, протянула ему:— Съешь. И скажи: какой самый нелепый поступок ты делал ради работы?Кирилл вздохнул, но конфету взял. Съел, поморщился:— Слишком сладко. А нелепый поступок… Однажды я

три часа стоял в пробке, чтобы лично привезти партнёру коробку печенья, потому что он в переписке написал «люблю овсяное».Лера захихикала:— Серьёзно? Три часа?— Я тогда думал, что это стратегия.— А теперь?

— Теперь думаю, что это была потеря времени. И коробка печенья.Лера схватила оранжевую конфету и положила себе на язык.— Мой нелепый поступок: я однажды спряталась в шкафу, когда ко мне пришли гости, потому что не хотела разговаривать.Кирилл не выдержал и рассмеялся:— В шкафу?— Там было тихо. И пахло лавандой. Это успокаивало.Он покачал головой, но в глазах уже не было строгости — только смешинки.— Ты невозможная.

— Зато я настоящая. Дальше пошло веселее. Лера задавала вопросы, Кирилл отвечал, иногда ворчал, иногда смеялся, а однажды даже признался, что в детстве мечтал стать пилотом, но мама сказала, что пилоты слишком редко бывают дома, а он хотел быть рядом с семьёй. В какойто момент Лера хитро подвинула к нему зелёную конфету: — Эта — особая. Съедаешь и говоришь, что тебе во мне… ну, нравится. Не как в отчёте, а просто.

Кирилл замер, посмотрел на конфету, потом на Леру — и она тут же пожалела, что спросила. Сердце застучало так, будто собиралось сбежать из комнаты первым. «Сейчас скажет чтото вежливое. Или вообще промолчит. Или…» Но он взял конфету, медленно положил в рот, пожевал, будто взвешивал каждое слово вместе со вкусом. — Мне нравится, что

ты не боишься делать мир ярче. Даже если этот мир — моя кухня. И мне нравится, что когда ты споришь, ты споришь понастоящему, не для галочки. Ты как будто говоришь: «Я здесь. Я живая. И я не согласна». Это… бодрит.

Лера покраснела, но тут же попыталась скрыть это за небрежным пожатием плеч. — Ну, я же лечу тебя от скуки. — Похоже, у тебя выходит. И тут в дверь позвонили. Оба вздрогнули, как школьники, которых застали за чемто запрещённым. На пороге стояла домработница Марина Ивановна — женщина с лицом, которое явно видело всё: от протечек до семейных драм. Она окинула взглядом кухню, заметила банку со скрепками, конфеты на столе и только тяжело вздохнула: — Так. Кто опять устроил карнавал?

Лера тут же спрятала драже в карман.— Это… научно обоснованная терапия.Марина Ивановна посмотрела на Кирилла.— Он в курсе?Кирилл, стараясь выглядеть максимально невозмутимо, кивнул:— Да. Это… профилактика стресса.— Ага. Профилактика. Ладно, я тогда просто полы помою. Тихо. Чтобы не мешать терапии.Когда она ушла, Лера хихикнула:— Кажется, мы её шокировали.— Нет. Кажется, она привыкла. У меня до тебя тут были деловые обеды и тишина.

— Тишина — это грустно. — Иногда тишина — это спокойствие. — А иногда тишина — это просто никто не смеётся. Он улыбнулся, подошёл к столу, взял одну скрепку — яркокрасную — и прицепил её к своему блокноту. — Вот.

Теперь я официально жизнерадостный. Лера захлопала в ладоши: — Прогресс! Завтра попробуем тёмнозелёную рубашку. — Не торопи события.

Они рассмеялись, и в этот момент Лера вдруг поняла: её план «сделать жизнь Кирилла невыносимой» почемуто превратился в план «сделать её чуть веселее». И ей это… нравилось.

Глава 6

— Так, сегодня мы лечим тебя едой, — заявила Лера, стоя посреди кухни с блокнотом, в котором красовалась надпись «План спасения Кирилла от уныния: фаза 2».Кирилл, который как раз собирался налить себе кофе, замер с чашкой в руке.— Лера, я не болен. У меня просто… спокойный метаболизм.— Спокойный метаболизм — это когда ты ешь овсянку и думаешь о квартальном отчёте. А надо, чтобы ты ел и думал: «Ого, как вкусно!»— А если я не умею думать «ого, как вкусно»?

— Значит, я тебя научу. Сегодня готовим завтрак. Что-нибудь яркое. С характером. Кирилл осторожно поставил чашку. — Только не говори, что ты нашла рецепт «омлета с сюрпризом». — Сюрприз — это скучно. У нас будет «омлет с перспективой». Он вздохнул, но спорить не стал — видимо, уже понял, что с Лерой спорить можно, но победить почти невозможно. Лера решительно распахнула холодильник и уставилась внутрь, будто ожидала увидеть там не продукты, а инструкцию к счастью. — Итак… яйца есть. Молоко есть. А вот перца нет.

— И это хорошая новость. — Не драматизируй. Перец — это эмоции. — Я предпочитаю эмоции в виде хорошей новости по утрам, а не в виде ожога слизистой. Лера хихикнула, достала банку с паприкой и потрясла ею, как погремуш-

кой. — Сегодня ты узнаешь, что жизнь — это не только баланс и графики. Она взбила яйца с молоком, добавила туда щедрую горсть паприки, щепотку чегото, что сама не смогла опознать, и вылила всё это на раскалённую сковороду. Смесь зашипела, подпрыгнула и попыталась сбежать через край.

Кирилл молча подвинул к ней лопатку.— Держи. Для экстренных случаев.— Спасибо. Я держу ситуацию под контролем.— Вижу. Ситуация тоже это видит и явно нервничает.Омлет в итоге получился… выразительным. С одной стороны он был золотистым, с другой — почти коричневым, а посередине гордо возвышался бугор, будто омлет решил стать вулканом.Лера торжественно разрезала его на две части и одну положила Кириллу на тарелку.— Пробуй.

Кирилл посмотрел на еду так, будто перед ним был не завтрак, а тест на стрессоустойчивость.— Ты уверена, что это безопасно?— Абсолютно! Ну, процентов на семьдесят.Он взял вилку, подцепил кусочек, положил в рот, пожевал… и, к чести своей, не поморщился.— Вкусно, — сказал он твёрдо.Лера прищурилась:— Ты врёшь.— Я не вру. Я… адаптируюсь.— Адаптируешься? Это как?

— Это значит, что мой мозг сейчас говорит: «Это не горелое, это копчёное. И не острое, а пряное». Лера рассмеялась: — Ладно, признаю: омлет вышел с характером. Но зато он не скучный! — Да. Он очень… активный. Они доели — Кирилл мужественно, Лера с видом человека, который только что совершил подвиг. Потом она достала из шкафчика банку

с чемто подозрительно зелёным. — А на десерт у нас… — Даже не продолжай. Если это «зелёный смузи силы», я пас.

— Нет, это просто варенье. Из крыжовника. Его Марина Ивановна сварила.Кирилл с облегчением выдохнул:— Тогда я согласен. Но без паприки.Лера скорчила гримасу:— Паприка — это душа блюда.— Иногда душа должна отдыхать.Пока они ели варенье с тостами, Лера вдруг замерла, будто её осенило.— Слушай, а давай я буду готовить тебе завтраки целую неделю? Каждый день новый. И к концу недели ты станешь другим человеком!

Кирилл поднял на неё взгляд, в котором читалось тихое «я уже другой человек — тот, который пережил омлет с перспективой».— Лера, я ценю твою заботу. Но, может, мы договоримся: завтраки — это зона ответственности профессионалов? А я взамен буду… ну, не знаю… рассказывать тебе про интересные отчёты.— Про отчёты? Серьёзно?— Ну, они бывают драматичными. Там бывает дефицит бюджета, неожиданные расходы… настоящая драма.Лера закатила глаза, но не смогла сдержать улыбку.

— Ладно. Отчёты — это не так уж плохо. Если ты будешь рассказывать их с интонациями, будто это триллер. — «В третьем квартале расходы выросли на двенадцать процентов…» — Кирилл понизил голос до шёпота, как диктор в документальном фильме. Лера захихикала: — Вот! Уже интереснее. В этот момент из коридора донёсся грохот — чтото упало. Оба подскочили. — Что это? — прошептала Лера. —

Скорее всего, Марина Ивановна уронила ведро. Она делает это раз в неделю — для баланса энергий.

Лера нервно хихикнула:— Ты шутишь?— Почти.Марина Ивановна появилась в дверях, держа в руках швабру и вид человека, которому всё уже давно понятно.— Вы тут что, завтрак-катастрофу устраиваете?Лера тут же спрятала сковороду за спину.— Мы… экспериментируем.Марина Ивановна посмотрела на Кирилла:— Опять она тебя кормит?Кирилл спокойно кивнул:— Да. Но я выжил. Это уже прогресс.

Марина Ивановна тяжело вздохнула, забрала сковороду и поставила её в раковину.— Так. Завтра я готовлю. А вы… можете нарезать хлеб. Аккуратно. Без философии.Когда она ушла, Лера тихо прошептала:— Кажется, меня отстранили от готовки.Кирилл чуть наклонился вперёд — совсем немного, и Лера тут же замерла, сердце подпрыгнуло: «Сейчас скажет, что я ужасная повариха… или… поцелует… или…»Но он просто тихо, почти заговорщицки, сказал:

— Зато теперь у нас есть новая традиция: по вторникам — твои эксперименты, по остальным дням — спасение Мариной Ивановной. Лера выдохнула — и поняла, что ей почемуто совсем не обидно. Наоборот, приятно. — По вторникам я придумаю чтонибудь особенное. Может, блины. Или… Кирилл тут же поднял руки: — Без сюрпризов. Просто блины. Обычные. — Обычные — это скучно. — Обычные — это безопасно.

Они рассмеялись, и кухня вдруг перестала казаться чужой. Здесь пахло подгоревшим омлетом, паприкой, вареньем — и чем-то ещё, чему Лера пока не знала названия. Чемт-о похожим на дом.

Глава 7

Утро началось с того, что телефон Леры заиграл так громко и настойчиво, будто ктото пытался дозвониться до неё из прошлого — и явно не с добрыми новостями. На экране горело: «Папа». Лера поморщилась, как от зубной боли, и нажала «отклонить». Телефон тут же зазвонил снова. — Не собираешься отвечать? — спокойно спросил Кирилл, который как ни в чём не бывало пил кофе у окна. — А смысл? Он скажет: «Ты теперь жена, веди себя достойно», а я отвечу: «Я только что сожгла тост, это мой максимум на сегодня».

Кирилл чуть приподнял бровь: — Сожгла? Или «придала выразительную текстуру»? — Второе. Определённо второе. Телефон зазвонил в третий раз. Лера со стоном схватила его. — Да, пап. Всё хорошо. Я… в процессе становления идеальной жены. Отец на том конце даже не стал тратить время на приветствия. — Лера, мне звонил партнёр. Говорит, ты с ним почти не разговариваешь, а в доме какойто хаос.

— Хаос — это стиль интерьера. А с Кириллом мы разговариваем. Вчера обсуждали, можно ли считать паприку полноценным ингредиентом или это просто повод для драмы. Кирилл фыркнул в чашку, но тут же сделал вид, что закашлялся. — Лера, — голос отца стал твёрдым, — я хочу, чтобы ты начала относиться к этому браку серьёзно. Это не игра. Это бизнессоюз. Лера выпрямилась, и в ней снова вспыхнуло

то самое упрямство, с которым она когдато сказала Кириллу: «Ты пожалеешь, что согласился».

— Пап, я отношусь серьёзно. Просто моё «серьёзно» выглядит не так, как твоё.— Оно должно выглядеть как «спокойно, достойно, без фокусов».— А если я скажу, что «без фокусов» мне скучно?Отец тяжело вздохнул:— Я не шучу, Лера.— И я не шучу. Просто… дай мне время.Она нажала «завершить» и уставилась на телефон, будто он мог снова начать спорить сам по себе.Кирилл молча пододвинул к ней чашку с кофе.

— Без паприки, — тихо сказал он.Лера хихикнула, но тут же снова стала серьёзной.— Он хочет, чтобы я была… удобной. Как деталь, которая идеально встаёт в паз.— Никто не обязан быть удобной деталью. Даже в бизнесе.— Но для него это именно бизнес.Кирилл помолчал, потом спокойно произнёс:— Тогда давай сделаем так, чтобы твой «неудобный» вариант оказался интереснее.

В глазах Леры вспыхнул озорной огонёк. Тот самый, который означал: план «пусть пожалеет» снова в силе — но теперь с новыми красками. — О, я знаю, как. Сегодня я буду… образцовой женой. Но посвоему. Кирилл напрягся: — «Посвоему» звучит как предупреждение о стихийном бедствии. — Не переживай. Всё будет в рамках закона. И даже немного в рамках приличий. Весь день Лера старательно изображала «идеальную спутницу жизни» — но с фирменным лериным юмором.

Сначала она торжественно вручила Кириллу папку, на которой крупными буквами было написано: «Важные документы (и один котик)».— Это чтобы ты не забывал, что в жизни есть не только отчёты.Потом, когда он сел отвечать на письма, она принесла ему стакан воды… на подносе, с маленькой карточкой: «Для поддержания гидратации и душевного равновесия».— Ты что, устраиваешь мне корпоративный wellness?— Я создаю экосистему заботы.Когда он наконец оторвался от экрана, она тут же предложила:

— Давай я помогу тебе расслабиться. Сделаю массаж плеч. Кирилл тут же напрягся ещё сильнее. — Спасибо, я какнибудь сам. — Ну что ты. Это часть супружеских обязанностей. — У нас не было такого пункта в договоре. — Зато было «поддерживать друг друга». Она всётаки подошла и пару раз неуверенно похлопала его по плечу. — Так? Или надо сильнее? — Так идеально. Не надо сильнее.

— Ладно, тогда я буду делать тебе «микроподдержку»: каждые два часа приносить тебе чтонибудь. Яблоко. Печенье. Мысль о прекрасном. Кирилл прикрыл глаза ладонью, но в голосе слышалась улыбка: — Ты пытаешься свести меня с ума заботой? — Я пытаюсь доказать, что я — самая непредсказуемая «идеальная жена» в мире. Ближе к вечеру позвонил отец снова. Лера посмотрела на экран, вздохнула и протянула телефон Кириллу. — На, поговори с ним. Ты же у нас взрослый, ответственный. Расскажи ему про нашу экосистему заботы.

Кирилл замер, будто ему вручили гранату с выдернутой чекой.— Мне?— Ну да. Ты же мой муж. Защити меня от моего же отца.Он медленно взял телефон, поднёс к уху.— Добрый вечер, Игорь Петрович. Да, всё под контролем… Да, Лера проявляет инициативу… Нет, это не хаос, это… креативный подход к быту.Лера приложила ладонь к груди и прошептала:— Герой.Кирилл покосился на неё, но продолжил:— Она старается. И… это ценно. Да. Хорошо. До связи.

Он нажал «завершить» и положил телефон на стол.— Ну, теперь он думает, что у нас тут не хаос, а «креативный подход».Лера рассмеялась:— Ты просто волшебник.— Я просто умею говорить на языке деловых людей. Но это не значит, что я одобряю всё, что ты делаешь.— А что именно не одобряешь?— То, что ты спрятала мои запасные ключи в «зону повышенной жизнерадостности».— Они там в безопасности! И рядом с ними скрепка, чтобы не было одиноко.Кирилл покачал головой, но не выдержал и улыбнулся:

— Знаешь, когда ты сказала, что я пожалею об этом браке… я думал, что речь о чёмто… более разрушительном. Лера хитро прищурилась: — Ещё не вечер. — Вот это и пугает. Они рассмеялись, и в этот момент Лера вдруг поняла: её план «сделать так, чтобы он пожалел» почемуто превратился в план «сделать так, чтобы ему было нескучно». И, странное дело, ей самой от этого становилось спокойнее.

Глава 8

— Сегодня мы устраиваем образцовый семейный ужин, — объявила Лера, стоя посреди кухни с блокнотом, в котором вместо списка продуктов красовалась схема: «Ужин мечты: 1. Впечатлить. 2. Не сжечь. 3. Если сжечь — назвать это стилем».Кирилл, который как раз пытался разобрать стопку документов на столе, поднял на неё взгляд, полный осторожного подозрения.— «Образцовый» в твоём понимании — это когда всё выглядит красиво, но есть нельзя, или когда всё можно есть, но выглядит как… ну, не знаю… инсталляция?

— Это когда всё и красиво, и вкусно. И с изюминкой.— Изюминка у тебя обычно проявляется в виде перца чили в десерте.— В этот раз без чили. Честно. Только… немного творчества.Кирилл вздохнул, но спорить не стал. Он уже выучил: когда Лера загорается идеей, проще сесть за стол и морально подготовиться, чем пытаться её остановить.Лера достала из холодильника курицу, посмотрела на неё, потом на Кирилла.— Она выглядит слишком обычной. Ей нужна драма.

— Ей нужен маринад. И, желательно, без философии.— Драма — это и есть маринад! Смотри: я смешиваю мёд, горчицу, лимонный сок и… щепотку карри.Кирилл осторожно заглянул в миску.— Мёд и горчица? Это как «сладкое и

сердитое».— Именно! Это про наши отношения.Он закатил глаза, но не смог сдержать улыбку.Пока курица маринова-лась, Лера взялась за гарнир.— Картошка должна быть не просто жареной. Она должна быть… артистичной.

— Артистичная картошка — это как?— С разными спе-циями на каждом кусочке. Один — с розмарином, другой — с паприкой, третий — с чесноком. Чтобы каждый кусочек был маленьким приключением.Кирилл сел на табурет, скре-стил руки и сделал вид, что ведёт протокол:— Записываю: ужин как иммерсивный театр. Зритель пробует и не знает, что его ждёт.Лера хихикнула:— Ты мне мешаешь творить!

— Я тебе помогаю не устроить пожар. Когда курица от-правилась в духовку, а картошка — на сковороду, Лера тор-жественно достала из шкафа тарелку с золотым ободком. — Вот! Теперь это не просто ужин, а… событие. Кирилл по-смотрел на тарелку, потом на духовку, потом снова на Ле-ру. — Надеюсь, событие не закончится вызовом пожарных. Но пожарные не понадобились. Понадобилось коечто похуже. В дверь позвонили. Лера замерла с лопаткой в руке. — Кто это?

Кирилл тоже замер, будто звук звонка был сигналом тре-воги.— Не знаю. Но у меня плохое предчувствие.Он пошёл к двери, а Лера метнулась к духовке, приоткрыла дверцу и… тихо застонала.— Ой.— Что «ой»?— Ну, она чуть темнее, чем я планировала.— Чуть?— Ладно, она почти как уголь. Но внутри точно сочная!Кирилл прикрыл глаза, будто про-

сил у вселенной терпения.

А в дверях стоял отец Леры — Игорь Петрович, в строгом пальто, с таким видом, будто приехал не в гости, а проводить внеплановую проверку.— Добрый вечер, Игорь Петрович, — спокойно сказал Кирилл, хотя Лера видела, как у него чуть дёрнулся уголок рта. — Не ждали.— Решил заехать, посмотреть, как вы тут… осваиваетесь.Лера выскочила из кухни, пытаясь выглядеть так, будто она не только что пыталась спасти подгоревшую курицу.— Пап! Привет! Ты как раз вовремя! У нас… ужин.

Игорь Петрович посмотрел на неё, потом на Кирилла, потом на коридор, будто искал признаки катастрофы.— Ужин? — Да! Образцовый! С изюминкой!Кирилл бросил на Леру короткий взгляд: «Пожалуйста, не говори про изюминку буквально».Лера поняла намёк.— То есть… с особым подходом.Они прошли на кухню, и Игорь Петрович замер на пороге, будто почувствовал, что здесь пахнет не только едой.— Вы сами готовили? — спросил он, глядя на сковороду, где картошка выглядела как коллекция разноцветных камушков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.